

Глава 1

Сейчас

У тела есть некое знание. Как антенна, настроенная на дуновения воздуха, или «волшебный щуп», чувствующий что-то столь глубокое, что слов для этого ещё нет. В субботу, когда оно пришло, я проснулась натянутая, как гитарная струна. Весь день я чувствовала, как мою спину распрямляет некий гул; нечто, что я не распознавала как предвкушение до того самого момента, когда засунула ключ в почтовый ящик, повернула его в замке — и вот оно. Со всей пышной торжественностью, которой можно ожидать от университета Дюкета: толстый кремовый конверт, запечатанный кроваво-красным символом Блэквельской башни на воске. Как только я вытащила его из ящика, мои руки начали трястись. Я очень долго ждала, и вот наконец оно тут.

Как во сне я пересекла мраморный пол первого этажа своего дома и вошла в лифт, едва замечая других людей и остановки между этажами, пока мы не доехали до восемнадцатого. Зайдя в квартиру, я заперла дверь, сбросила кроссовки в угол и бросила ключи на столик. Вопреки собственным правилам, я упала на диван цвета слоновой кости прямо в спортивной одежде; штаны из спандекса всё ещё были мокрыми от пота.

Я просунула палец под загнутый край конверта и потянула, порвав конверт и проигнорировав лёгкий укус бу-

маги о кожу. Вывалилось тяжёлое приглашение с крупными, выпуклыми словами: «Настоящим официально приглашаем вас на встречу выпускников университета Дюкет, 5-7 октября». Рисунок Блэквильской башни красными чернилами; такой большой, что верхушка пика только что не резала слова. «Мы с нетерпением ждём возможности видеть вас в эти выходные на встрече выпускников — горячо любимой традиции университета Дюкета. Также к этому письму прилагается приглашение на вечеринку по случаю десятилетия окончания университета выпуска 2009 года. Приезжайте, чтобы заново пережить дни в Дюкете и отметить многочисленные, с окончания университета, достижения, ваши и ваших однокурсников».

Когда я потрясла конверт, из него выскользнуло маленькое красное приглашение. Я положила его на кофейный столик, рядом с большим, погладила пальцами рельефные буквы, попробовав острые края по углам. Моё дыхание сбилось, а лёгкие работали так, как будто я вернулась на велотренажёр. Встреча выпускников Дюкета. Я не могла вспомнить, когда я стала ей одержима — возможно, постепенно, по мере того, как мой план рос и становился все полнее и подробнее.

Я посмотрела на висящий над моим обеденным столом баннер, на котором было написано «ПОЗДРАВЛЯЕМ!» — я так и оставила его висеть после вечеринки две недели назад по случаю моего повышения по службе: самая молодая женщина, ставшая партнёром в огромной консалтинговой компании «Колдвел энд компани Нью Йорк». Об этом даже написали в «Дэйли Ньюз»; статья была написана под феминистским углом: о молодых женщинах, строящих карьеру в корпорациях. Она висела у меня на холодильнике (и убиралась, когда приходили гости), а ещё шесть экземпляров лежали в моём столе. Седьмой я отправила своей маме в Вирджинию.

Та победа оказалась идеально по времени к этой. Я вскочила с дивана и побежала в ванную, оставив занавески открытыми, чтобы смотреть на город. Я теперь была девушкой из верхнего Ист-Сайда, а в колледже я была девушкой из Ист-Хауза. Мне нравилась такая преемственность и то, как моя жизнь до сих пор была связана с тем, кем я была тогда. «Приезжайте, чтобы заново пережить свои дни в Дюкете», говорилось в приглашении. Я стояла у окна ванной, и эти слова действовали на меня как заклинание. Я закрыла глаза и принялась вспоминать.

Я иду через кампус, в окружении величественных готических башен — драматичная архитектура смягчается магнолиями; их толстыми скрученными ветвями, восковыми листьями и белыми цветами с таким одуряющим ароматом, что притягивает к себе, на расстояние вытянутой руки, прежде чем ты осознаешь, что ушла с тротуара. Колледж: свобода столь полная, что восторг не проходил все четыре года.

Кирпичные стены Ист-Хауза — до сих пор тот образ, который всплывает в голове, когда я думаю о доме, хотя я и жила там всего год. И общежитие «Фи Дельты» в полночь: музыка пробивается даже через закрытые двери, мерцающий свет, бьющий из окон; студенты, одетые для какой-нибудь из тематических вечеринок, которые вечно придумывал Минт. Искорки в животе каждый раз, когда я поднималась по каменным ступеням; глаза подкрашены чёрным лайнером, рука под руку с Каро. Всё это было одуряющим, даже до того, как появлялись красные стаканчики.

Четыре года жизни будто бы на картине в духе фовизма: дни, пропитанные ярким цветом и эмоциями густыми, как живописный грунт. Будто бы это какая-то пьеса: драматические подъёмы, будто скалы, и тёмные падения, как омуты. Наша компания — главные герои, с самого первого курса, когда мы заработали свою популярность и прозвище. «Ист-Хаузская семёрка». Минт, Каро, Фрэнки, Куп, Хезер и я.

Люди, ответственные за самые лучшие и худшие дни в моей жизни.

Но даже в самые худшие моменты никто из нас не мог бы предсказать, что один из нас не переживёт колледж. Другой будет обвинён в убийстве. Остальные разлетятся в разные стороны. «Ист-хаузская семёрка» — уже не честь, а обвинение, разбросанное по заголовкам газет.

Я открыла глаза и посмотрела в зеркало в ванной. На секунду оттуда на меня взирала восемнадцатилетняя Джессика Миллер, с нуждающимися в стрижке, которой не существовало в Норфолке, Вирджиния, волосами естественного цвета. Острые локти, как у любого худощего подростка, в одной из своих плиссированных юбок, с крашенными ногтями. Отчаянно желающая быть увиденной.

Вспышка — и вот её нет. На её месте стоит тридцатидвухлетняя Джессика, раскрасневшаяся и взмокшая, да, но отточенная всем, что только может позволить зарплата консульганта в Нью-Йорке: блондинка, с более белыми зубами, более гладкой кожей, более стройная и мускулистая.

Я изучала себя так, как делала всю жизнь: в поисках того, что видели, глядя на меня, другие. Я хотела, чтобы они видели идеал. Я жаждала этого в самых тёмных глубинах своей души: быть такой прекрасной, что остальные останутся лишь пылью под ногами. Это не особенно привлекательное качество, поэтому я никогда не рассказывала об этом никому, кроме как однажды своему психотерапевту. Она спросила, считаю ли я, что можно стать идеальной, и я поправила, что не обязательно быть буквально идеальной; достаточно просто быть лучше всех.

Ещё менее очаровательное признание: иногда — редко, но иногда — я чувствовала себя идеальной, или приближенной к идеалу. Иногда я, как сейчас, стояла перед зеркалом в ванной, медленно расчёсывая волосы, изучая прямую линию своего носа, чёткие изгибы скул, подсчитывая все свои достоинства, думая: «ты прекрасна, Джес-

сика Миллер», и меня переполняла гордость от того, какой объективно прекрасной я стала. В тридцать два, на взлёте карьеры, диплом Дюкета с отличием, выпускница сестринства «Каппа», второе место в выпуске старшей школы «Лэйк Грэнвиль». Завидный список бывших бойфрендов, кредит на образование наконец-то выплачен, собственная квартира в самом престижном городе мира, битком набитый гардероб и загранпаспорт в штампах, высокие баллы экзаменов в аспирантуру. Как ни поверни — я прекрасна. В плане успешности, можно сказать, на вершине эволюции.

Но как бы я ни пыталась двумя руками держаться за сияющие бриллианты своих достижений, подбирался и тёмный список. Всё, что мне не удалось; каждое второе место, каждое отвержение — все это собиралось, пока осознание не становилось невыносимым, а расческа не летела в раковину. В зеркале — новое видение. Белозубая блондинка в дорогих велосипедках — это всё жалкие попытки прикрыть правду: что я, Джессика Миллер — человек весьма средний, и всегда таковым была.

Как бы я ни пыталась это отрицать, теневой список шептал: «консультантом ты стала только от отчаянья, когда у тебя отобрали путь, которого ты желала. «Каппа», второе место? Всегда вторая. Твои баллы в аспирантуру не так высоки, как ты надеялась». Он шептал, что я была такой же обыкновенной и неоригинальной, как обещало моё имя: Джессика — самое популярное имя для девочки в год моего рождения, Миллер — одна из самых распространённых в Америке фамилий в последнюю сотню лет. Мир полон Джессик Миллер, грош им цена в базарный день. Я никогда не могла понять какая из историй — верная: Исключительная Джессика или Так себе Джессика. Моя жизнь была историей, которую я не могла разобрать; полной конфликтующих свидетельств.

Я достала из раковины расчёску и аккуратно положила на столик в ванной, потом сообразила, снова подобрала её

и выдернула из зубьев гнёздышко светлых волос. Я скатала волосы в шарик между пальцев, чувствуя, как они ломаются.

Вот почему встреча выпускников — это так важно. Ничто в моей жизни не было похоже на то, что я представляла себе в колледже. Все мечты, все планы были разрушены. В прошедшие с выпуска десять лет я без отдыха работала, чтобы восстановиться: стать красивой, успешной, интересной. Создать версию себя, которой всегда хотела быть. Сработало ли это? Если я смогу вернуться в Дюкет и показать себя людям, мнения которых значили больше всего, я смогу прочесть правду в их глазах. И потом я буду знать, раз и навсегда, кто я на самом деле. Я поеду на встречу выпускников и пройду по знакомым залам, поговорю со знакомыми людьми, помещу Новую Джессику в историю Прежней Джессики и увижу, как всё изменилось.

Я закрыла глаза и призвала образ, ставший теперь таким знакомым, будто я уже его прожила. Я захожу на вечеринку выпуска 2009; все — в коктейльных платьях. Все поворачиваются ко мне, разговоры прекращаются, музыка замолкает, бокалы с шампанским опускаются, чтобы лучше рассмотреть. Я раздвигаю море бывших студентов и слышу, как они шепчутся: «Неужели это Джессика Миллер? Она выглядит потрясающе. Если задуматься, она всегда была самой красивой девушкой колледжа», и: «А вы знали, что она — самая молодая женщина — партнёр в «Колдвел Нью-Йорк»? Я слышал, что о ней писали в «Форбс». Наверное, она всегда была гением. Почему это я раньше не обращал внимания».

И вот я наконец пребываю на место назначения: туда, куда меня всегда тянуло, как бы далеко в пространстве или во времени я ни была. К людям, которые притянули меня на свою орбиту. Минт, Каро, Фрэнки, Куп. Только теперь не будет Хезер и Джека. В этот раз там будет Кортни, раз уж она так неизбежно поместила себя в нашу компанию.

Но всё будет хорошо, потому что на этот раз звездой буду я. Каро при виде меня ахнет, Фрэнки скажет, что хоть он и общается с моделями, я всё равно самая красивая девушка, какую он когда-либо видел. Кортни позеленеет от зависти, слишком смущённая моим успехом и тем, сколько я зарабатываю денег, чтобы говорить о своей дурацкой карьере в качестве фитнес-блогера. Минт бросит руку Кортни, как будто она горит огнём, не способный отвести от меня глаз, а Куп... Куп...

На этом месте я всегда теряла нить. Это был дурацкий образ. Я это знала, но от этого не переставала хотеть. И тридцатидвухлетняя Джессика Миллер жила по правилу, которое Джессика из колледжа только начала учить: если ты чего-то хочешь достаточно сильно, для достижения этого ты сделаешь всё, что угодно. Да, я вернусь, чтобы заново прожить свои дни в Дюкете, как было сказано в приглашении, но на этот раз я сделаю это лучше. Я буду незаурядной Джессикой. Покажу как они были неправы, что не заметили этого раньше. Встреча выпускников станет моим триумфом.

Я отпустила шарик волос, и он упал в мусорку. Даже перепутанные, валяющиеся среди ватных палочек и дисков, волосы всё ещё были красивыми.

Но тут на мгновение появилось видение: рваные светлые волосы, липкие и красные, на фоне белых простыней. Я потрясла головой, отгоняя от себя эту помеху.

Я им всем покажу. А потом наконец-то избавлю себя от этого предательского шёпота — того, который говорил, что я делала всё не так, совершала самые худшие из возможных ошибок, с тех самых пор, как впервые увидела Ист-Хауз через треснувшее лобовое стекло родительской машины.

Наконец-то я возвращалась домой.

Глава 2

Сейчас

За ночь до отъезда на встречу выпускников я пошла с Джеком в бар. Радостное возбуждение, овладевшее мной в эти недели после получения приглашения, было подпорчено чувством вины: я знала, что Джек тоже получил приглашение, но никогда в жизни не сможет туда вернуться. Долгая дорога в его любимый бар за рулём через весь город — тихая и незатейливая — стала жалкой карой за грехи, которые я никогда не смогу искупить. Главным из этих грехов было то, что, в отличие от его жизни, моя собственная не рассыпалась в пыль в двадцать два года.

Я села напротив него за столик. Он пригубил свой виски и улыбнулся.

— Здравствуй, подруга. Я так понимаю, ты едешь в Дюкет?

Мы никогда не говорили о колледже. Я глубоко вдохнула и сложила руки на столе.

— Завтра вылетаю.

— Знаешь... — Джек улыбнулся, опустив глаза на стакан. — Я очень по нему скучаю. По всем этим горгульям, витражам и аркам. — Он поднял на меня взгляд. — Такие помпезные, особенно для Северной Каролины, такие красивые, да?

Я внимательно разглядывала его. Джек изменился не больше всех из нас; больше всех изменился Фрэнки, или может быть Минт; но повзрослел он куда больше, чем на десять лет. Он отпустил бороду и длинные волосы: волосы он подтыкал за уши, а борода скрывала его почти детское лицо, будто маска. В уголках его глаз виднелись ранние морщинки. Он всё ещё красив, но не той открыточной красотой, что в юности, когда он выглядел в точности так, как ожидаешь от лидера молодёжной группы; тогда Джек был из тех соседских мальчишек, которым любой спокойно доверит посидеть со своими детьми.

— Интересно, как поменялся кампус. — Джек мечтательно улыбнулся. — Как ты думаешь, кофейня «У мартышки» всё ещё работает?

— Не знаю. — Нежность в его голосе меня убивала. Я опустила глаза и уставилась на свои руки.

— Э-эй, — Джек сменил тон и я подняла взгляд, встретившись с ним глазами. Карие, с длинными ресницами, и такие же искренние, как всегда. Никогда не пойму, как ему удалось сохранить эту искренность — Надеюсь, что ты не переживаешь из-за меня. Я хочу, чтобы ты получила удовольствие. А я подожду пока ты мне по возвращении всё расскажешь. Сделай мне одолжение и проверь как там «Мартышка»? Мы с Хезер туда ходили каждое вос... — он осёкся, но голос его уже не дрожал, как когда-то. Ему становится лучше. Он вот уже несколько лет не звонил мне посреди панической атаки, повторяя высоким детским голосом снова и снова: *«Я не могу забыть её тело!»*

— Конечно, найду. — Одна из двух официанток этого бара — самая хамоватая — водрузила передо мной стакан вина и молча удалилась. — Спасибо, — крикнула я ей вслед и отпила глоток, изо всех сил стараясь не поморщиться на глазах у Джека. Я обычно заказываю стакан самого дорогого вина в баре, но тут и это не особенно помогло.

Я с усилием проглотила вино.

— О чём ещё доложить?

Он взволнованно приосанился и на секунду стал похож на восемнадцатилетнего себя.

— Слушай, чего я только не хочу узнать! Ладно, во-первых, все подробности про Каро и Купа: как он сделал предложение, назначили ли они дату, что она наденет? — Затараторил он, осторожно обходя тот факт, что на свадьбу его не пригласили. — Думаешь, они встречались ещё в колледже и скрывали у нас? Обязательно её спроси. Мне интересны все грязные подробности. Кто вообще мог себе представить их вместе? Так неожиданно.

Я залпом осушила стакан и жестом потребовала ещё, хоть и знала, что эта официантка ненавидит когда я так делаю.

— Угу, — сказала я, сглотив. — Обязательно.

Джек усмехнулся.

— Мне нужен подробнейший отчёт о том как сейчас выглядит Куп. Хочу знать сколько у него татуировок, до сих пор ли он один в один персонаж «Аутсайдеров», обрезал ли волосы. — Он подёргал себя за локон. — Как ты думаешь, у меня теперь стрижка как у него?

Смерть от миллиона царпин.

— Прямо Понибой, которому на всё насрать. Куп как он есть. А Каро, что узнать о ней?

Его взгляд стал задумчивым.

— Наверное, я просто хочу знать счастлива ли она. Не знаю... Каро особенно не меняется. И ты всё равно о ней больше всех говоришь.

Он был прав. Каро выглядит и ведёт себя точно так же, как тогда. Она всё ещё регулярно пишет мне смски, хоть и не каждые пять минут, как в колледже. Собственно, единственное, что изменилось у Каро — это появление Купа.

— Обязательно расскажи мне похож ли Минт до сих пор на кинозвезду, — сказал Джек, — или наконец-то начал лысеть, как его папаша. Боже, я даже не знаю, хочу ли я,

чтобы ты сказала, что он стал ещё красивее или что лысеет — вот было бы по заслугам. Поверить не могу, что он ушёл из юридического университета, чтобы спасти семейный бизнес. С его семьёй всегда что-то было не так, да? С его отцом или с мамой?.. Я помню, как на последнем курсе Минт как-то вышел из себя... — Джек осёкся посреди предложения и широко раскрыл глаза. — Блин. Прости. Я идиот.

И вот она. Жалость, даже от Джека. Потому что я потеряла Минта — человека, который делал меня ценной одним своим присутствием. И хотя в момент нашего разрыва никого рядом не было, и никто не видел, как глубоко меня это ранило, все, похоже, и так чувствовали.

— Во-первых, — сказала я, отдавая официантке пустой стакан в обмен на полный, — это было давно и мне в прямом смысле наплевать. Я вообще-то очень хочу повидаться с Минтом. И с Кортни. Уверена, они очень счастливы вместе. — Я отогнала от себя образ моего ноутбука, разбитого об стену, а на экране всё ещё фотография с их свадьбы. — А во-вторых, «блин»? По-моему, очаровательно, что ты по-прежнему не материшься. Бой-скаут, раз и навсегда. Кстати, — продолжила я, — Ты знал, что Фрэнки недавно купил один из домов Минта?

Нож: вставить, повернуть. Глаз за глаз.

— Правда? — Джек пожал плечами, изображая безразличие, но я увидела, как поднимается и опускается его кадык, когда он с усилием сглатывает. — Молодец. Значит, он получает всё, чего хотел. — Он отбросил назад волосы — этот жест он тоже украл у Купа. — Ну его. Фрэнки весь мир видит каждое воскресенье. Узнать, чем он занимается, нетрудно. Что я правда хочу — так это чтобы ты вернулась и сказала, что Кортни увлеклась кристаллами и медитацией или занимается физиотерапией с пожилыми лошадьми. Чем-нибудь благотворительным и неожиданным.

Я чуть не подавилась вином.

— Кортни? Если она хоть на йоту менее гадкая, чем была, я посчитаю это глубочайшим личным ростом.

Джек закатил глаза.

— Я сказал, что надеюсь, а не жду.

— Ха.

— Знаешь, мне всегда было её жалко. Мне всегда казалось, что под всей этой дизайнерской одеждой и стервозностью скрывается закомплексованная маленькая девочка, которая очень хочет, чтобы её любили. — Он картинно вздохнул и приложил руку к груди. — Ты смотри-ка, я всё-таки выругался. Радуйся сейчас: больше это не повторится. Похмелье в виде баптистского чувства вины уже подкрадывается.

Я покачала головой, пытаюсь удержать на лице улыбку, но чувствовала, как сердце моё разбивается.

— Джесс, — Джек накрыл своей рукой мою. — Я правда хочу, чтобы ты хорошенько развлеклась. За нас обоих.

Развлеклась, ага. Я собиралась добиться куда большего. Я откашлялась.

— После того, как я подробно отчитаюсь тебе обо всех, в награду я ожидаю, что ты наконец-то познакомишь меня с Уиллом.

Джек убрал руку.

— Может быть. Ты знаешь, что я предпочитаю... разделять эти вещи.

Джек до сих пор не представил меня своему молодому человеку — ни разу за все годы нашей обновлённой дружбы, которая и сама по себе была странной. Когда Джека на последнем курсе обвинили в убийстве Хезер, несколько месяцев перед тем, как он навсегда покинул кампус, другие студенты, завидев его, переходили дорогу: все были уверены, что убийца — именно он. Если он входил в помещение, все напрягались и расходились.

Но не я. Я в его обществе оставалась расслабленной — ни учащённого сердцебиения, ни дрожащих рук — и всё это

несмотря на то, что у полиции были почти неопровержимые доказательства.

Моя реакция не поддавалась логике. Джек был парнем Хезер — первым подозреваемым в её убийстве. Покрытые её кровью ножницы — те самые, которыми её зарезали, нанеся множество ударов — нашли в его комнате. Свидетели видели, как Джек и Хезер громко орал друг на друга всего за несколько часов до того, как было обнаружено тело. Доказательства налицо.

Но в конце концов полиции не удалось осудить Джека. В некотором роде это не имело значения. В глазах всех он всё равно был убийцей.

Всех, кроме меня.

Медленно, сантиметр за сантиметром, знание, которым обладало моё тело, пробралось в мой мозг. Как-то ночью, примерно через год после того, как я переехала в Нью-Йорк, я проснулась в холодном поту, подскочила в крошечной снятой мною спальне, напряжённая, как струна, и наполненная единственной уверенностью: Джек — невиновен.

На то, чтобы связаться с ним, у меня ушло ещё три месяца. Он тоже жил в Нью-Йорке; пытался слиться с толпой. Я сказала ему, что считаю его невиновным, и с тех пор стала одним из его немногочисленных друзей. Я была его единственным другом из колледжа, хотя до смерти Хезер он был популярен. Президент студсовета. Казначей «Фи Дельты». Волонтёр года университета Дюкет.

Я никому не сказала, что до сих пор общаюсь с Джеком. Это мой секрет — ну, один из них.

Теперь от одного его вида — он был сама доброта — меня переполняла злость на людей. Джек всегда был таким несомненно хорошим, таким прямолинейным. То, что столько народу легко поверили, что он способен на такую ужасную жестокость, было поразительно. Я встречала опасных — по-настоящему опасных — людей и видела в же-

стокость в их глазах, слышала, как она наполняет их голоса. Джек — совсем не такой.

Так что я понимала, почему он хотел защитить новых людей в своей жизни от своего прошлого, от ужасов обвинения, которое хоть и не было предъявлено, снято тоже, по сути, не было. Не то чтобы он мог бы по-настоящему что-то от кого-то спрятать — есть же интернет, и тот факт, что он был обречён братья за самую грязную работу, потому что с любой другой его увольняли, ошеломлённые результатами поиска в Гугле. Или же тот факт, что он почти не общался со своей роднёй. Хотя, если по справедливости, это может быть и не только из-за Хезер, но и из-за их южного нрава, их баптистских взглядов, их зашоренности...

Я понимала, почему Джек хотел возвести твёрдую, нерушимую стену между «тогда» и «сейчас». Но это всё равно трудно укладывалось у меня в голове, ведь прошлое значило для меня так много. Я жила в непрерывном потоке воспоминаний; сцены из прошлого всё ещё разворачивались передо мной. Я слышала в голове голоса своих друзей, поддерживала жизнь в наших разговорах, даже если уже много лет говорила я одна, повторяя в этой односторонней беседе: «Подождите — и увидите».

У меня по спине пробежал холодок. Завтра уже не надо будет ждать.

Джек вздохнул.

— Спасибо, что пришла со мной повидаться перед отъездом. Знаешь, я рад, что ты так и не изменилась. Серьёзно. Десять лет — а Джесс всё та же.

Я чуть не уронила стакан.

— Что ты имеешь в виду? — Я показала на себя рукой. — Это платье от «Родарте». Посмотри на эти волосы, эти ногти. Обо мне писали в газетах. Я была в Европе — раз шесть, не меньше! Я теперь совсем другая.

Джек рассмеялся, будто бы я пошутила, и приподнялся, чтобы перегнуться через столик и поцеловать меня в лоб.